А. П. НЕЧАЕВЪ.

ОТВѢТЪ

Г. ПРОФ. А. И. ВВЕДЕНСКОМУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1902 годъ.

Въ послѣднемъ № *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* помѣщена рецензія г. проф. А. И. Введенскаго на мою книгу: „Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія",—С.-Пб. 1901. Въ этой рецензіи г. Введенскій утверждаетъ, будто моя книга *безспорно смѣшная* (стр. 444), даже представляетъ собою *явно смѣшную нелѣпость* (стр. 445), что въ ней обнаружена *обидная для читателя самоувѣренность* (стр. 464), *отсутствіе вдумчиваго отношенія къ предмету* (стр. 462), *явныя несообразности* (стр. 450) и *поразительная грубость психологическаго анализа* (стр. 462). Появленіе такихъ выраженій (въ особенности въ рецензіи, претендующей на имя „научной") едва ли можетъ способствовать особой убѣдительности. Поэтому я не послѣдую примѣру г. Введенскаго и, воздерживаясь отъ ненужныхъ рѣзкостей, постараюсь только документально доказать, что его статья, помѣщенная въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, заключаетъ въ себѣ рядъ невѣрно переданныхъ фактовъ и произвольныхъ выводовъ, при чемъ обнаруживается также недостаточное знаніе г. Введенскимъ того предмета, о которомъ онъ трактуетъ. Разберу все это по пунктамъ.

I. Факты, невѣрно переданные г. проф. А. И. Введенскимъ.

1) Г. Введенскій утверждаетъ, будто отрывокъ моей книги, помѣщенный въ „Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane" (Band 24), вызвалъ въ томъ же журналѣ (Band 27, Heft 1 и 2) *насмѣшливый отвѣтъ Маркса Лобзина*. Это невѣрно.

Статья г. Лобзина [1]) представляетъ собой подробное изложеніе (на 42 стр. съ 67 таблицами) результатовъ большой работы, исполненной имъ *по моему методу*. Уже одинъ этотъ фактъ показываетъ, что г. Лобзинъ былъ далекъ отъ насмѣшливаго отношенія къ моему труду. Авторъ говоритъ, что ему хотѣлось только въ нѣкоторыхъ пунктахъ усовершенствовать мой методъ (стр. 34), хотя онъ самъ же замѣчаетъ, что моя постановка опытовъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, должна быть признана болѣе совершенной по своей техникѣ, чѣмъ его. На стр. 37 г. Лобзинъ самъ отмѣчаетъ одно важное обстоятельство, составляющее техническое преимущество моихъ опытовъ надъ его наблюденіями: „Die von Netschajeff benutzten Wörter sind durchgehends dreisilbig. Die russische Sprache ist an Solchen reicher als unsere, und so war es ihm leichter, ein äusserlich übereinstimmendes Material zu construiren, ein Material, an dem die visuelle, akustische, motoriche Form des Gedächtnisses reinlich zum Ausdruck gelangen kann. So sehr ich wünschte, ähnliche Gleichmässigkeit in der äusseren Wortgestaltung construiren zu können, so wenig unentschlossen war ich, als ich mir die Unmöglichkeit offenbarte, ohne die oben gerügten Mängel zu vermeiden, dieses Moment ausser Acht zu lassen. Es ist mir zwar nicht unwesentlich, aber doch bedeutsamer unter den Uebeln das kleinere zu wählen“. (Всѣ слова, употребленныя Нечаевымъ, трехсложны. Русскій языкъ богаче таковыми, чѣмъ нашъ, а поэтому ему было легче подобрать однообразный съ внѣшней стороны матеріалъ, такой матеріалъ, при которомъ зрительная, слуховая и моторная форма памяти могутъ обнаружиться во всей чистотѣ. Какъ ни желалъ я соблюсти такое же однообразіе во внѣшней конструкціи словъ, я все же не поколебался оставить этотъ моментъ безъ вниманія, какъ только убѣдился въ невозможности сдѣлать это безъ того, чтобы не впасть въ упомянутые выше недостатки. Хотя это немаловажно, но все же лучше выбрать изъ двухъ золъ меньшее).

Изложивъ общіе результаты своей работы, г. Лобзинъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Ein Vergleich der Curve (выражающей общіе результаты опытовъ) mit dem entsprechenden Gesammtergebniss Netschajeff's (vgl. S. 332) zeigt im Grossen und Ganzen in der jewei-

[1]) Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. B. 27. 1901. Heft 1 и 2. *Marx Lobsien.* Experimentelle Untersuchungen über die Gedächtnissentwickelung bei Schulkindern (стр. 34—76).

ligen Tendenz zum Steigen oder Fallen Uebereinstimmung, nur in Betreff des Zahlengedächtnisses zeigt sich eine bemerkenswerte Abweichung. Trotzdem bedeutet sie keineswegs ein falsch oder richtig da oder hier, sondern das Ergebniss entspricht in beiden Fällen den Thatsachen. Der Unterschied erklärt sich ohne Weiteres dem Kundigen aus der Verschiedenheit der Lehranstalten, der verschiedenen Pflege des Zahlengedächtnisses, besonders im elementaren Rechnenunterrichte". Стр. 45. (Сравненіе кривой съ соотвѣтствующимъ общимъ результатомъ Нечаева обнаруживаетъ въ общемъ согласіе, въ періодической наклонности къ подъему или паденію. Только относительно памяти чиселъ замѣчается уклоненіе, заслуживающее вниманія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это уклоненіе отнюдь не означаетъ, чтобы результатъ въ одномъ изъ случаевъ былъ вѣренъ, а въ другомъ—невѣренъ. Выводъ въ обоихъ случаяхъ соотвѣтствуетъ фактамъ. Разница безъ труда объясняется для знающаго человѣка различіемъ учебныхъ заведеній, различнымъ воспитаніемъ памяти на числа, въ особенности при первоначальномъ обученіи счисленію).

А далѣе, излагая результаты своихъ опытовъ, показывающіе развитіе отдѣльныхъ видовъ памяти по возрастамъ, г. Лобзинъ говоритъ: „Ein Vergleich bezeugt in manchen Punkten *volle Uebereinstimmung* mit den Ergebnissen Netschajeffs. Deutlich offenbart sich ein allmähliches Ansteigen des Gedächtnissumfanges in den auf einander folgenden Stufen. Der Grad des Wachstums ist für die Altersstufen und verchiedenen Gedächtnissarten recht verschieden" (стр. 45—46). (Сравненіе обнаруживаетъ во многихъ пунктахъ *полное совпаденіе* съ результатами Нечаева. Ясно обнаруживается постепенный ростъ объема памяти, въ слѣдующихъ одна за другой ступеняхъ. Степень роста очень различна для разныхъ видовъ памяти и возрастовъ).

И послѣ этого г. Введенскій рѣшается назвать статью г. Лобзина „насмѣшливымъ отвѣтомъ" на мою работу!...

2) На стр. 456—457 г. Введенскій утверждаетъ, что я, со своими взглядами на значеніе экспериментальной психологіи для дидактики, стою совершенно одинокимъ среди другихъ психологовъ, которые со мною *не согласны*. „Относительно психологовъ г. Нечаевъ обходитъ вопросъ полнымъ молчаніемъ, — говоритъ г. Введенскій. — Но такъ какъ они не согласны съ нимъ, то, вѣроятно, между ними нѣтъ *ни одного,* кто бы, кромѣ психологіи, зналъ еще педагогику" (стр. 456).

Въ отвѣтъ на это, прежде всего, укажу на мнѣніе о моей книгѣ, которое недавно высказалъ въ журналѣ „Česká Mysl“ (органъ пражскаго философскаго общества) его редакторъ д-ръ Чада (Fr. Čáda), читающій въ пражскомъ университетѣ лекціи по педагогической психологіи. Вотъ что пишетъ г. Чада по поводу моей книги [1]): „И въ Россіи начинается въ послѣднее время изученіе педопсихологіи *въ желательномъ направленіи*. Въ петербургскомъ университетѣ открытъ особый курсъ педагогической психологіи, а однимъ изъ выдающихся работниковъ является теперь приватъ-доцентъ этого университета г. Александръ Нечаевъ, издавшій теперь объемистый и основательный трудъ, заглавіе котораго мы привели (Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія), который основывается на необыкновенно полномъ знаніи соотвѣтственной литературы и въ которомъ авторъ не только собралъ результаты до сихъ поръ сдѣланныхъ изслѣдованій (и при томъ въ очень выразительныхъ таблицахъ и діаграммахъ), но и обогатилъ до сихъ поръ бывшія изслѣдованія нѣкоторыми собственными наблюденіями и къ каждому изъ нихъ присоединилъ критическое обсужденіе методовъ и значенія результатовъ педопсихологическихъ изслѣдованій... *Кто занимается или хочетъ заниматься психологіей учениковъ, тотъ въ книгѣ г. Нечаева найдетъ не только удобно и ясно представленную громадную литературу,* часто мало доступную, *но съ удовольствіемъ прочтетъ и общія замѣчанія автора о значеніи педопсихологическихъ изслѣдованій*,—замѣчанія, предостерегающія читателя отъ слишкомъ большой вѣры во всемогущество и всеспасительность экспериментальнаго метода въ вопросахъ школьнаго воспитанія“ (Česká Mysl, 1901, Listopadu, 457—458).

Другой психологъ, проф. Цюрихскаго университета Э. Мейманъ, въ лабораторіи котораго производятся работы, направленныя къ разъясненію педагогическихъ вопросовъ, въ своей рѣчи, сказанной членамъ цюрихскаго школьнаго съѣзда, „О возникновеніи и цѣляхъ экспериментальной педагогики“, указываетъ, между прочимъ и на мои изслѣдованія (вошедшія въ книгу, признанную г. Введенскимъ достойной вышучиванія), при чемъ относитъ ихъ къ числу „*самыхъ существенныхъ психологическихъ изслѣдованій, имѣющихъ педагогическое значеніе*“ (der

---

[1]) Переводъ съ чешскаго статьи г. Чады, по моей просьбѣ, любезно сдѣланъ И. Л. Лосемъ, приватъ-доцентомъ С.-Пб. университета по каѳедрѣ славянской филологіи.

allerwesentlichsten unter den aus der Psychologie hervorgegangenen *pädagogisch bedeutsamen Untersuchungen* [1]).

Итакъ, утвержденіе г. Введенскаго, что ни одинъ психологъ не согласенъ съ моимъ пониманіемъ педагогическаго значенія современной экспериментальной психологіи, фактически невѣрно. При этомъ нельзя думать, что взгляды двухъ указанныхъ психологовъ на педагогическое значеніе экспериментальной психологіи являются чѣмъ то исключительнымъ. Стремленіе воспользоваться пріемами современной экспериментальной психологіи для изслѣдованія практическихъ вопросовъ педагогики въ послѣднее время обнаруживается все сильнѣе и сильнѣе. Нѣкоторые факты, обнаруживающіе это стремленіе, указаны въ моей книгѣ (стр. 2 и 7). Но уже послѣ выхода въ свѣтъ моей книги появился „Учебникъ педагогической психологіи“ г. Бергемана, въ которомъ устанавливается много общихъ педагогическихъ положеній (практическаго характера) на основаніи экспериментально-психологическаго матеріала (Lehrbuch der pädagogischen Psychologie von Paul Bergemann. Leipzig. 1901. 484 стр.).

3) Г. Введенскій утверждаетъ, что я обнаруживаю *„рѣзкую разницу со взглядами В. Анри“* (стр. 457), котораго онъ характеризуетъ какъ „искуснаго изслѣдователя (стр. 460), стяжавшаго себѣ почетную извѣстность“ (стр. 457). Но г. Введенскому, цитирующему „Вѣстникъ Воспитанія“, должно же быть извѣстно мнѣніе г. Анри о моихъ опытахъ, напечатанное имъ въ этомъ журналѣ („Вѣстн. Восп.“, 1901, № 5). И стоитъ только сопоставить между собой отзывы о моихъ опытахъ гг. Анри и Введенскаго, чтобы всѣмъ стало яснымъ, что „рѣзкую разницу со взглядами В. Анри“ обнаруживаю не я, а г. Введенскій.

Слова г. Введенскаго.	*Слова г. Анри.*
„Самостоятельныя изслѣдованія автора (т.-е. Нечаева) отличаются еще болѣе грубыми промахами. Они состоятъ изъ опытовъ надъ учениками и ученицами и изъ самонаблюденій. Первые страдаютъ *явно негодной постановкой* и *приводятъ*, хотя и къ очень важнымъ	„Таковы главные выводы, которые были получены въ работѣ г. Нечаева; хотя эти выводы и не даютъ отвѣтовъ на общіе вопросы относительно развитія памяти, *но все-таки заслуживаютъ вниманія со стороны педагоговъ*, ибо въ этихъ опытахъ *указаны*

[1]) Bericht über die Verhandlungen der Zürcherischen Schulsynode von 1900, стр. 92—94.

съ педагогической точки зрѣнія (это — г. Введенскій шутитъ), но *къ сожалѣнію, явно несообразнымъ результатамъ*".
(*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1901, декабрь, стр. 452).

надлежащіе методы изученія памяти; повтореніе этихъ опытовъ въ болѣе широкомъ масштабѣ, а главное болѣе подробное и детальное изученіе результатовъ *приведетъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ рѣшенію важныхъ вопросовъ относительно памяти учащихся*". (*Вѣстн. Восп.*, 1901, № 5, стр. 38).

4) Г. Введенскій утверждаетъ, что моя книга *„вся сплошь набита насмѣшками по адресу педагогики, основанной на наблюденіяхъ"* (стр. 453).

Для того, чтобы печатно утверждать, что книга въ 236 стр. „сплошь набита" насмѣшками или чѣмъ бы то ни было, — конечно, слѣдуетъ имѣть возможность указать хотя бы 200 примѣровъ подобнаго рода. Но я прямо заявляю, что г. Введенскій не могъ бы привести изъ моей книги даже *двухъ* насмѣшекъ по адресу педагогики, основанной на наблюденіяхъ. Да и странно было бы мнѣ, доказывающему на своихъ лекціяхъ по исторіи педагогики важное значеніе для пониманія школьнаго дѣла идей Коменскаго, Локка, Руссо, Канта, Гербарта и Ушинскаго, заниматься набиваніемъ своей книги сплошными насмѣшками по адресу той педагогики, которая считаетъ ихъ своими представителями. Я думаю, что наше новое (экспериментальное) направленіе въ изслѣдованіи педагогическихъ вопросовъ не только не идетъ въ разрѣзъ съ великими завѣтами указанныхъ педагоговъ, но даже въ значительной степени ими подготовлено, такъ какъ всѣ истинные педагоги постоянно указывали на необходимость внимательнаго изученія дѣтской природы и на зло того „пустословія", которое, по недоразумѣнію, нерѣдко принимаютъ за „научныя" разсужденія о воспитаніи. И современные педагоги стоятъ въ этомъ отношеніи гораздо ближе къ моей точкѣ зрѣнія, чѣмъ къ точкѣ зрѣнія г. Введенскаго. Для примѣра укажу на того же самаго профессора Шиллера, котораго, возражая мнѣ, самъ г. Введенскій цитируетъ какъ „извѣстнаго педагога" (стр. 463). По иниціативѣ и подъ руководствомъ этого ученаго, производились экспериментальныя наблюденія надъ различными способами заучиванія съ цѣлью опредѣлить форму, наиболѣе благопріятную для успѣшнаго обученія орѳографіи (Sammlung von Abhandlungen aus dem Gebiete der pädagogischen Psychologie und Physiologie,

В. II, Н. 4). Изъ этого видно, что 1) проф. Шиллеръ считаетъ возможнымъ примѣнять пріемы экспериментальнаго психологическаго изслѣдованія къ вопросамъ школьнаго обученія (въ чемъ, повидимому, сомнѣвается г. Введенскій на стр. 463) и 2) проф. Шиллеръ считаетъ обязанностью педагоговъ помогать учащимся найти наиболѣе благопріятную форму заучиванія. Такъ думаетъ проф. Шиллеръ. А г. Введенскій восклицаетъ: „Нѣтъ! Пусть учителя и учительницы не увлекаются проектомъ г. Нечаева обучать дѣтей наиболѣе цѣлесообразнымъ пріемамъ заучиванія“ (стр. 466).

5) Г. Введенскій утверждаетъ: „всѣми, кто слѣдилъ за его прежней научной дѣятельностью, г. Нечаевъ долженъ быть признанъ самоучкой въ психологическомъ экспериментированіи“ (стр. 446).

Но, вѣдь, г. Введенскому хорошо извѣстно, что я болѣе двухъ лѣтъ состоялъ въ заграничной командировкѣ, слушая спеціальные курсы экспериментальной психологіи и подробно знакомясь съ постановкой экспериментальныхъ изслѣдованій въ кабинетахъ профессоровъ Мюллера (въ Геттингенѣ), Вундта (въ Лейпцигѣ) и Ціэна (въ Іенѣ). Кромѣ того, г. Введенскій знаетъ, что я имѣлъ возможность близко познакомиться съ психологическими лабораторіями профессоровъ Крепелина (въ Гейдельбергѣ), Меймана (въ Цюрихѣ) и Бинэ (въ Парижѣ). Что же значитъ послѣ всего этого утвержденіе г. Введенскаго, что „всѣми, кто *слѣдилъ* за его прежней научной *дѣятельностью,* г. Нечаевъ долженъ быть признанъ самоучкой, въ психологическомъ экспериментированіи?“ Назвавъ меня „самоучкой въ психологическомъ экспериментированіи“, г. Введенскій тутъ же бросаетъ замѣчаніе, что „первыя экспериментальныя работы и печатаются обыкновенно съ указаніемъ, кто руководилъ ими и съ одобренія руководителя: онъ даетъ этимъ автору какъ бы аттестатъ на званіе умѣлаго изслѣдователя“ (стр. 446). Развѣ г. Введенскому не извѣстно, что моя работа о развитіи памяти въ школьномъ возрастѣ подвергалась предварительному просмотру моихъ глубокоуважаемыхъ руководителей—профессора Мюллера и д-ра Штерринга, которымъ я печатно выразилъ благодарность за этотъ просмотръ въ „Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane“ (В. 24, стр. 351)?

II. Произвольные выводы г. проф. А. И. Введенскаго.

Еще въ 1896 г. на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* профессоръ М. И. Каринскій слѣдующими словами

охарактеризовалъ критическіе пріемы г. Введенскаго: „открываетъ онъ (г. Введенскій) эти недостатки (книги г. Каринскаго) такимъ образомъ: замѣняетъ ту или другую мысль, тотъ или другой взглядъ, высказанные въ моей книгѣ, другою мыслью, другимъ взглядомъ, которые мною высказаны не были, иногда даже противорѣчатъ высказанному мною, и затѣмъ пользуется этими навязанными мнѣ мнѣніями въ интересахъ полемики“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1896, янв., стр. 244).

Этому критическому пріему г. Введенскій остается вѣрнымъ и въ рецензіи на мою книгу.

Г. Введенскій пишетъ: „Достаточно, напримѣръ, сказать, что если вѣрить всему, написанному въ книгѣ, то надо по приговору психологическихъ экспериментовъ *изгнать наглядное обученіе и даже употребленіе географическихъ картъ* въ народныхъ школахъ, какъ мужскихъ, такъ и въ женскихъ, а также и для всѣхъ дѣвочекъ до $11^1/_2$ лѣтъ включительно. Сверхъ того надо будетъ думать, будто бы экспериментально доказано, что *дѣти, поступающія въ Александровскій лицей, отличаются такимъ слабоуміемъ, даже при сравненіи съ учениками народныхъ школъ, котораго не въ силахъ искоренить получаемое ими въ лицеѣ воспитаніе*“ (стр. 444).

Сдѣлавъ такіе выводы изъ моей книги, г. Введенскій сейчасъ же признаетъ ихъ „какою-то явно смѣшною нелѣпостью“. Но для этихъ, дѣйствительно „нелѣпыхъ“, выводовъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія въ моей книгѣ. Напротивъ, вся третья глава моего сочиненія, въ сущности, представляетъ собой доказательство важности наглядnаго обученія въ школѣ. Что же касается будто бы приводимыхъ мною экспериментальныхъ доказательствъ лицейскаго слабоумія, то я положительно утверждаю, что во всей моей книгѣ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы я поднималъ вопросъ о степени разсудочнаго развитія лицеистовъ или о результатахъ лицейскаго образованія. Такимъ образомъ, оба положенія—плодъ фантазіи г. Введенскаго.

Впрочемъ, г. Введенскій, выставивъ подъ флагомъ моей книги два указанныхъ положенія, прибавляетъ: „Не то, чтобы авторъ самъ высказывалъ эти выводы; но они съ логической необходимостью и *самымъ очевиднымъ образомъ* (курсивъ г. Введенскаго) вытекаютъ изъ всѣхъ собранныхъ его опытами надъ памятью цифръ, *если* (курсивъ г. Введенскаго) комментировать ихъ такъ, какъ комментируетъ ихъ самъ авторъ, такъ что внимательный читатель, привыкшій размышлять

надъ прочитаннымъ и провѣрять автора его же собственными словами и пріемами, не можетъ не замѣтить этихъ выводовъ“ (стр. 445).

Въ чемъ же заключается та „логическая необходимость“ и „очевидность“, по которой, на основаніи *собранныхъ мною данныхъ* слѣдуетъ, *по мнѣнію г. Введенскаго*: 1) изгнать наглядное обученіе изъ народныхъ школъ и 2) признать лицеистовъ „слабоумными“?

Разсмотримъ оба вопроса отдѣльно.

1) Мысль о необходимости изгнать наглядное обученіе навязывается мнѣ г. Введенскимъ при помощи слѣдующаго разсужденія: „Если вмѣстѣ съ нимъ (Нечаевымъ) придавать его (Нечаева) изслѣдованіямъ надъ памятью педагогическое значеніе (чего однако не слѣдуетъ дѣлать), то они обязываютъ признать такой чудовищный выводъ: преподавая дѣвочкамъ отъ 8 до 11½ лѣтъ включительно, гораздо полезнѣе описывать словами направленіе рѣкъ и другіе предметы, чѣмъ показывать ихъ на картѣ или въ натурѣ; ибо *по изслѣдованіямъ г. Нечаева* въ эти годы у дѣвочекъ *запоминаніе словъ*, обозначающихъ зрительныя представленія, развито гораздо сильнѣе, чѣмъ *запоминаніе самихъ предметовъ*, воспринимаемыхъ зрѣніемъ“ (стр. 472).

„Чудовищный выводъ“, сдѣланный г. Введенскимъ, возможенъ только при совершенно неточной передачѣ результатовъ моей работы. Если внимательно вчитаться въ описаніе моихъ опытовъ, то прежде всего легко замѣтить, что я сравниваю между собою не *„запоминаніе словъ, обозначающихъ зрительныя представленія“ съ „запоминаніемъ самихъ предметовъ, воспринимаемыхъ зрѣніемъ“* (какъ это утверждаетъ г. Введенскій), а *легкость воспроизведенія словъ*, обозначающихъ зрительные образы, *съ легкостью воспроизведенія именъ* показанныхъ предметовъ (см. стр. 30, 46 и 47 моей книги).

Это совсѣмъ другое дѣло. И зарегистрированный мною фактъ, если только правильно передать его, никому не покажется ни смѣшнымъ, ни чудовищнымъ. Я нашелъ, что если въ младшемъ отдѣленіи народной школы молча показывать разные предметы (хотя бы даже знакомые учащимся), то *назвать* всѣ эти предметы имъ будетъ труднѣе, чѣмъ вспомнить рядъ выслушанныхъ словъ, обозначающихъ зрительные образы. Что же неожиданнаго въ этомъ наблюденіи? Развѣ всякій народный учитель не знаетъ, сколько труда приходится употреблять на обученіе дѣтей пользоваться рѣчью? И если ужъ дѣлать изъ этого факта какой-нибудь практическій выводъ по отношенію къ наглядному обученію, то развѣ лишь единственный: употребляя нагляд-

ныя пособія при обученіи въ народной школѣ, никогда не слѣдуетъ показывать ихъ *молча*, въ надеждѣ, что ученикамъ не будетъ стоить ни малѣйшаго труда, въ случаѣ надобности, обозначить все видѣнное словами. Мои слушатели знаютъ, что *именно такой только выводъ* я и дѣлалъ всегда изъ указанныхъ наблюденій. Да и въ своей книгѣ я устанавливаю очень опредѣленный взглядъ на данные факты. „Испытуемые, говорю я, должны были не только припомнить данное имъ зрительное или слуховое впечатлѣніе, но и *подыскать для него подходящее имя*. Такимъ образомъ, при этихъ опытахъ одновременно изслѣдовалась не только *зрительная и слуховая память учащихся*, но и *способность ихъ ассоціировать съ извѣстнымъ впечатлѣніемъ то или другое слово*... Насколько трудно для учащихся младшаго возраста ассоціировать съ извѣстнымъ зрительнымъ или слуховымъ впечатлѣніемъ опредѣленное названіе, видно изъ того, что ученицы 9—11 лѣтъ гораздо *легче воспроизводятъ данныя имъ слова*, обозначающія зрительные образы, чѣмъ *имена данныхъ предметовъ*“ (стр. 47).

Доказательствомъ вѣрности моего объясненія являются, между прочимъ, и опыты г. Лобзина, которые, по какому-то странному недоразумѣнію, приводятся г. Введенскимъ въ опроверженіе моихъ результатовъ (стр. 474).

Я утверждалъ, что разница въ воспроизведеніи учащимися младшаго возраста *именъ молча показанныхъ предметовъ*, съ одной стороны, *и словъ, обозначающихъ, зрительныя представленія*, съ другой, объясняется недостаточнымъ навыкомъ данныхъ испытуемыхъ въ пользованіи рѣчью. И, дѣйствительно, когда г. Лобзинъ произвелъ опыты по моему методу въ нѣмецкихъ школахъ, гдѣ, какъ извѣстно, систематическое обученіе начинается съ 6-лѣтняго возраста, то оказалось, что дѣти одинаковаго возраста съ моими испытуемыми не обнаружили указанной разницы. По легкости воспроизведенія именъ молча показанныхъ предметовъ, 9-лѣтніе испытуемые изъ нѣмецкихъ школъ приближаются къ 12-лѣтнимъ учащимся русскихъ заведеній. На этомъ ясно сказываются результаты болѣе ранняго начала систематическаго обученія въ Германіи.

Но г. Введенскій, желая во что бы то ни было навязать мнѣ „чудовищный выводъ“ о необходимости изгнанія изъ школы географическихъ картъ и всякихъ наглядныхъ пособій, не хочетъ вѣрить ни моему объясненію, ни его подтвержденію опытами г. Лобзина. Онъ отрицаетъ возможность вліянія на указанные результаты большаго или меньшаго навыка пользоваться рѣчью: „Нечаевъ,—говоритъ

онъ,—показывалъ дѣтямъ самые заурядные предметы: стаканъ, бутылку, перо, книгу, газету и т. п. Каждый оставался на виду 2 секунды, а появлялись они другъ за другомъ черезъ 5 секундъ (см. стр. 30). Для припоминанія же названія подобныхъ предметовъ не нужно даже и полной секунды" (стр. 473). Вотъ и все возраженіе г. Введенскаго. Что же изъ него слѣдуетъ? Предположимъ даже, что г. Введенскій, по всѣмъ правиламъ экспериментальной техники, измѣрилъ скорость ассоціацій у 9—11 лѣтнихъ учащихся и нашелъ, что словесная ассоціація на реальное впечатлѣніе не превышаетъ полной секунды. Но сколько, по изслѣдованіямъ или предположеніямъ г. Введенскаго, требуется еще на воспроизведеніе данными испытуемыми воспринятыхъ ими зрительныхъ образовъ? Сколько, далѣе, требуется времени на воспроизведеніе воспринятаго слова, обозначающаго зрительный образъ? Какъ велика будетъ разница въ скорости ассоціацій при первомъ и второмъ опытѣ (т.-е. при воспроизведеніи воспринятыхъ словъ, обозначающихъ зрительные образы, и воспроизведеніи именъ, обозначающихъ молча показанные предметы)? Г. Введенскій не только ничего не отвѣчаетъ на эти вопросы, но даже не ставитъ ихъ. Неужели онъ думаетъ, что можно отрицать вліяніе указаннаго мною фактора, совсѣмъ не посчитавшись съ этими вопросами?.. Нѣтъ, пусть г. Введенскій сначала дѣйствительно измѣритъ скорость ассоціацій въ указанныхъ направленіяхъ, а потомъ уже, съ экспериментально установленными фактами въ рукахъ, утверждаетъ, что время ассоціацій въ данномъ случаѣ не играетъ никакой роли! Но при этомъ я долженъ еще сдѣлать одну оговорку. Если бы, по точнымъ измѣреніямъ г. Введенскаго, оказалось, что учащіеся младшаго возраста гораздо скорѣе воспроизводятъ данныя *слова,* обозначающія зрительныя представленія, чѣмъ *имена воспринятыхъ ими предметовъ*, то изъ этого все-таки еще нельзя будетъ сдѣлать вывода объ изгнаніи наглядныхъ способовъ обученія. Вѣдь школа должна заботиться не только о *скорости* пріобрѣтенія знаній, но и о *качествѣ* ихъ.

2) Второй „чудовищный выводъ" г. Введенскаго (будто бы мною „экспериментально доказано, что дѣти, поступающія въ Александровскій лицей отличаются такимъ слабоуміемъ, *даже* при сравненіи съ учениками народныхъ школъ, котораго не въ силахъ искоренить получаемое ими въ лицеѣ воспитаніе") основывается на слѣдующемъ.

Въ моей книгѣ опубликованы результаты испытаній памяти въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, при чемъ оказалось, что ученики народныхъ школъ изъ 12 воспринятыхъ ими словъ, въ среднемъ, вос-

произвели нѣсколько больше словъ, чѣмъ лицеисты того же возраста. Въ общемъ, эта разница была настолько мала, что, напримѣръ, для 11-лѣтняго возраста ее нельзя даже выразить цѣлымъ числомъ. Я не обратилъ никакого вниманія на эту разницу, тѣмъ болѣе, что самая постановка моихъ опытовъ (преслѣдовавшихъ совсѣмъ другія цѣли) не могла дать достаточнаго матеріала для сравнительной оцѣнки умственнаго развитія воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній.

Но г. Введенскому показалось почему-то страннымъ, что ученикамъ народныхъ школъ удалось запомнить нѣсколько больше словъ, чѣмъ дѣтямъ потомственныхъ дворянъ. „Вѣдь никто еще не наблюдалъ,—говоритъ г. Введенскій,—ни того, чтобы русскіе потомственные дворяне отличались *прирожденнымъ* (курсивъ г. Введенскаго) слабоуміемъ, ни того, чтобы они получали такое дурное домашнее воспитаніе, вредныхъ результатовъ котораго не можетъ уже исправить школа“ (стр. 476).

На это опять повторю, что совсѣмъ не поднималъ вопроса ни о дворянствѣ, ни о воспитательномъ вліяніи разныхъ школъ. Не поднималъ я вопроса и о томъ, какими чертами характеризуется память слабоумныхъ. До сихъ поръ ни одинъ психологъ не считалъ признакомъ слабоумія, если человѣкъ, выслушавъ однажды рядъ въ 12 ничѣмъ не связанныхъ между собою трехсложныхъ словъ (черезъ промежутки въ 5 секундъ), припомнитъ изъ нихъ только 5 или 6. Г. Введенскій первый открылъ такой удивительный способъ для опредѣленія слабоумія.

III. Научные промахи г. проф. А. И. Введенскаго.

1) На стр. 471 своей статьи г. Введенскій откровенно заявляетъ, тчо „многіе таблицы и чертежи“, построенные мною, кажутся ему „вообще ни къ чему ненужными въ книгѣ“. Отсюда г. Введенскій дѣлаетъ выводъ, что авторъ разбираемой имъ книги „сосредоточиваетъ свое вниманіе не столько на содержаніи таблицъ и чертежей, сколько на самомъ процессѣ ихъ построенія“, причемъ сейчасъ же замѣчаетъ: „Это—черта, или свойственная ученическому возрасту, а не ученому, или же свидѣтельствующая, что авторъ работы недостаточно обдумалъ ее“ (стр. 473).

Однако прежде, чѣмъ строить такую дилемму, слѣдовало привести хоть одинъ примѣръ этихъ многихъ „таблицъ и чертежей“,

значеніе которыхъ осталось непонятнымъ г. Введенскому. Тогда я могъ бы объяснить ему это значеніе въ болѣе подробномъ видѣ, чѣмъ это сдѣлано въ книгѣ. Но г. Введенскій, къ сожалѣнію, не указываетъ подобныхъ примѣровъ, и потому мнѣ по неволѣ приходится, при разборѣ его возраженій, самому догадываться, какія таблицы и чертежи моей книги остались не совсѣмъ понятными для моего критика.

Я имѣю основаніе думать, что въ число таблицъ и чертежей, признанныхъ г. Введенскимъ „ни къ чему не нужными", слѣдуетъ помѣстить таблицу XXVII (стр. 44), показывающую разницу между памятью на реальныя впечатлѣнія, съ одной стороны, и памятью на слова и числа, съ другой. Постараюсь доказать, что если бы г. Введенскій понялъ значеніе этой таблицы, то онъ, по всей вѣроятности, воздержался бы отъ одного возраженія моей книгѣ.

Подводя итогъ своимъ школьнымъ опытамъ, я указалъ, что ученики, въ сравненіи съ ученицами, обладаютъ болѣе сильной памятью на *реальныя впечатлѣнія* (предметы и звуки), а ученицы, въ сравненіи съ учениками, болѣе сильной памятью на *числа и слова*. При этомъ я отмѣтилъ возможность примѣненія двухъ методовъ изслѣдованія даннаго вопроса: 1) посредствомъ сравненія среднихъ чиселъ, выражающихъ результатъ запоминанія при однихъ условіяхъ и 2) посредствомъ сравненія разницы между памятью на реальныя впечатлѣнія, съ одной стороны, и памятью на слова и числа, съ другой. Послѣдній методъ (выраженіемъ котораго служитъ таб. XXVII) я выдѣляю (стр. 45 моей книги), какъ особенно характерный.

Г. Введенскій утверждаетъ, что „у лицеистовъ, вопреки выводу г. Нечаева, память на реальныя впечатлѣнія вообще ниже, чѣмъ у гимназистокъ той гимназіи, въ которой онъ производилъ свои опыты". „Это особенно ясно,—говоритъ г. Введенскій,—если мы сложимъ числа, посредствомъ которыхъ г. Нечаевъ характеризуетъ память на реальныя впечатлѣнія каждаго отдѣльно взятаго возраста у лицеистовъ и гимназистокъ. Для памяти на предметы у лицеистовъ съ 11 до 18 лѣтъ сумма равняется 66, а у гимназистокъ тѣхъ же возрастовъ—74,1, число почти равное тому, которое получается для реалистовъ, т.-е. 75. Для памяти же на звуки у лицеистовъ 51, а у гимназистокъ все-таки больше именно — 51,4. Какъ же можно послѣ этого утверждать въ видѣ общаго закона, будто бы у учениковъ память на предметы и звуки сильнѣе, чѣмъ у ученицъ?" (стр. 471).

Дѣлая подобныя вычисленія съ цѣлью поставить меня во внутрен-

нее противорѣчіе съ самимъ собою, г. Введенскій забываетъ, что методъ среднихъ чиселъ, въ томъ видѣ, какъ онъ имъ пользуется, далеко не всегда пригоденъ. При его примѣненіи количество отдѣльныхъ обобщенныхъ случаевъ имѣетъ необыкновенно важное значеніе. Что же дѣлаетъ г. Введенскій? Опровергая положеніе, устанавливаемое мною на основаніи испытаній 494 учениковъ, онъ беретъ изъ нихъ только 112, причемъ для 11 лѣтняго возраста изъ 72 берутся только 4, для 12 лѣтняго возраста изъ 55—только 8, и т. д. Немудрено, что при такомъ неправильномъ счетѣ и результаты получились неправильные. Кромѣ того, г. Введенскій, опровергая мое положеніе относительно сравнительнаго развитія у разныхъ половъ памяти на *реальныя впечатлѣнія* и *слова,* сравниваетъ между собою только числа, выражающія результаты испытаній памяти на реальныя впечатлѣнія и *совсѣмъ оставляетъ безъ вниманія* результаты испытаній памяти на *слова и числа.* Иначе говоря, *рѣшая вопросъ о взаимномъ отношеніи двухъ величинъ* (реальныя впечатлѣнія и слова), г. Введенскій *на одну изъ нихъ не обращаетъ никакого вниманія.* Что же могло получиться при такомъ изслѣдованіи, кромѣ „явной несообразности“?!.

Но если бы г. Введенскій попробовалъ приложить къ тѣмъ же самымъ группамъ испытуемыхъ другой методъ изслѣдованія (выраженіемъ котораго служитъ таблица XXVII), то онъ, даже при небольшомъ и колеблющемся количествѣ выбранныхъ имъ представителей обоего пола учащихся, все-таки получилъ бы результаты, согласные съ тѣмъ общимъ положеніемъ, противъ котораго онъ возражаетъ.

Покажу, какъ слѣдовало воспользоваться при этомъ таблицей XXVII.

Память на реальныя впечатлѣнія.

	Возрастъ	11	12	13	14	15	16	17	18	Итого.
Лицей.	Предметы	7	7	7,6	8,7	8,8	8,9	8,9	9,1	66
	Звуки	5	5.2	6	6,7	7	7	7,2	6,9	51
	Итого	12,0	12.2	13,6	15.4	15,8	15,9	16,1	16,0	117
	Въ среднемъ	6	6,1	6,8	7,7	7,9	7,95	8,05	8,0	58,5
	Возрастъ	11	12	13	14	15	16	17	18	Итого.
Жен. гимназія.	Предметы	8,1	8,8	8,8	9	9	9,3	10,4	10,7	74,1
	Звуки	5,7	5,2	5,1	6,3	6,7	7,2	8,2	7	51,4
	Итого	13,8	14,0	13,9	15,3	15,7	16,5	18,6	17,7	125,5
	Въ среднемъ	6,9	7,0	6,95	7,65	7,85	8,25	9,3	8,85	62,75

Память на слова и числа.

	Возрастъ	11	12	13	14	15	16	17	18	Итого.
Лицей.	Числа	3,7	2,8	5,2	5,9	5,6	5,3	5,4	4,7	38,6
	Слова № 4	5,7	6,4	6,3	7,8	7,6	7,5	6,5	6,9	54,7
	Слова № 5	4,5	5,3	5,4	6,1	5,7	6,3	5,9	5,5	44,7
	Слова № 6	4,2	4,3	4.2	5,9	5,3	6,9	6,7	6,3	43,8
	Слова № 7	3,5	3,6	4,6	4,9	6	5,6	6,2	5,7	40,1
	Слова № 8	3,8	2,9	5,3	5,6	6,2	6	6,3	5,6	41,7
	Итого	25,4	25,3	31,0	36,2	36,4	37,6	37,0	34,7	263,6
	Въ среднемъ	4,2	4,2	5,1	6,0	6,0	6,2	6,1	5,7	43,5

	Возрастъ	11	12	13	14	15	16	17	18	Итого.
Женская гимназія.	Числа	5,3	5,3	5,6	5,9	4,8	5,7	5,2	5,5	43,3
	Слова № 4	7,1	7,3	7,7	7,1	8,7	8,8	8,5	8,6	63,8
	Слова № 5	5,5	6,4	6,7	6,9	7,1	7,6	8,3	8	56,5
	Слова № 6	6,8	6,3	7,2	6,7	7,1	7,8	8,5	7,5	57,9
	Слова № 7	5	5,3	6,5	6,5	5,9	7,2	7,6	7	51
	Слова № 8	5,3	5,3	5,7	5,9	4,8	5,7	5,2	5,5	43,4
	Итого	35,0	35,9	39,4	39,0	38,4	42,8	43,3	42,1	315,9
	Въ среднемъ	5,8	5,9	6,5	6,5	6,4	7,1	7,2	7,0	52,4

Разница между памятью на реальныя впечатлѣнія, съ одной стороны, и памятью на слова и числа, съ другой.

	Возрастъ	11	12	13	14	15	16	17	18	Итого.
Лицей.	Реальныя впечатлѣнія	6,0	6,1	6,8	7,7	7,9	7,95	8,05	8,0	58,5
	Слова и числа	4,2	4,2	5,1	6,0	6,0	6,2	6,1	5,7	43,5
	Разница	*1,8*	*1,9*	*1,7*	*1,7*	*1,9*	*1,75*	*1,95*	*2,3*	*15,0*
Женская гимназія.	Реальныя впечатлѣнія	6,9	7,0	6,95	7,65	7,85	8,25	9,3	8,85	62,75
	Слова и числа	5,8	5,9	6,5	6,5	6,4	7,1	7,2	7,0	52,4
	Разница	*1,1*	*1,1*	*0,45*	*1,15*	*1,45*	*1,15*	*2,1*	*1,85*	*10,35*

Итакъ, мы ясно видимъ, что, при правильномъ обращеніи съ даннымъ матеріаломъ, даже сравненіе тѣхъ отдѣльныхъ группъ испытуемыхъ, на которыя указываетъ г. Введенскій, только вполнѣ подтверждаетъ высказанное мною положеніе, что испытанные мною уче-

ники, въ сравненіи съ ученицами, обладаютъ болѣе сильной памятью на реальныя впечатлѣнія, а ученицы, въ сравненіи съ учениками, болѣе сильной памятью на слова и числа, и что, вслѣдствіе этого, *разница между памятью на реальныя впечатлѣнія и слова у учениць значительно меньше, чѣмъ у учениковъ*. Дѣйствительно, для женской гимназіи эта разница=10,35, а для лицея=15,0.

Итакъ, г. Введенскій не можетъ доказывать неправильности моихъ положеній на основаніи моего же матеріала. Но г. Введенскій, опровергая меня, ссылается еще на опыты г. Лобзина. Дѣйствительно, при опытахъ г. Лобзина не обнаружилось той разницы въ развитіи разныхъ видовъ памяти у обоихъ половъ, какая была подмѣчена мною на моихъ испытуемыхъ. Но я думаю, что на основаніи этого еще никто не имѣетъ права, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, считать результаты моей работы „*хуже, чѣмъ ненадежными*“ (какъ выражается г. Введенскій на стр. 471). Почему, въ данномъ случаѣ, непремѣнно слѣдуетъ думать, что наблюденія г. Лобзина правильны, а мои неправильны? Не лучше ли стать на ту точку зрѣнія, на которую становится самъ г. Лобзинъ, замѣчая, что разница, получаемая при экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ, производимыхъ въ разныхъ школахъ (а тѣмъ болѣе въ школахъ разныхъ странъ), не даетъ еще намъ права считать одни изъ полученныхъ результатовъ ложными, а другіе правильными. По мнѣнію г. Лобзина, гораздо научнѣе признать, что „*результаты въ обоихъ случаяхъ соотвѣтствуютъ фактамъ*“ и что *понимающій дѣло* (der Kundige) не смутится этой разницей (Zeitschrift für Psychologie Bd. 27, стр. 45). При этомъ необходимо помнить, что опыты г. Лобзина, обнаружившіе „im Grossen und Ganzen“ *согласіе* (Uebereinstimmung), а во многихъ пунктахъ даже *полное согласіе* (in manchen Punkten volle Uebereinstimmung) съ моими опытами, все-таки заключали въ себѣ такую разницу въ постановкѣ, что ихъ результаты далеко не во всѣхъ отношеніяхъ можно сравнивать съ моими. А именно: 1) при моихъ опытахъ испытуемые должны были запоминать по 12 впечатлѣній, при опытахъ же г. Лобзина только по 9 и 2) всѣ слова, предлагавшіяся при моихъ опытахъ, были трехсложны, а г. Лобзинъ, на ряду съ трехсложными словами, пользуется множествомъ двухсложныхъ и односложныхъ словъ. Такимъ образомъ, всѣ опыты г. Лобзина происходили при условіяхъ, *болѣе легкихъ* для испытуемыхъ, чѣмъ у меня. Не объясняется ли этимъ и разница нашихъ наблюденій относительно учениковъ и ученицъ? Вѣдь, *результаты утомленія* могутъ быть неодинаковы у разныхъ половъ

при *болѣе* и *менѣе* продолжительной работѣ. И слѣдуетъ еще доказать, что менѣе продолжительная и болѣе легкая работа даетъ болѣе характерные результаты, чѣмъ работа болѣе продолжительная и болѣе трудная.

2) Разбирая мои опыты надъ внушеніемъ, г. Введенскій утверждаетъ, что „употребленный г. Нечаевымъ методъ пригоденъ, и то не всегда, только для констатированія существованія внушенія ощущеній запаха, а *отнюдь не для количественныхъ обобщеній, не для измѣренія степени внушаемости*“ (стр. 479).

Прежде всего замѣчу, что для своихъ опытовъ съ внушеніемъ я, какъ сказано на стр. 118 моей книги, воспользовался формой опытовъ Бинэ, котораго самъ же г. Введенскій отмѣчаетъ какъ „искуснаго изслѣдователя“ (стр. 460). Но г. Бинэ, вмѣстѣ съ г. Анри (тоже „искуснымъ изслѣдователемъ“, по отзыву г. Введенскаго) примѣнялъ эту форму опытовъ не только „для констатированія существованія внушенія ощущеній запаха“, но и *для измѣренія степени внушаемости,* при чемъ большая или меньшая поддатливость внушенію характеризовалась (какъ у меня) количествомъ чистыхъ пузырьковъ, въ которыхъ испытуемые, подъ вліяніемъ внушенія, находили тотъ или другой запахъ. Приведу отрывокъ изъ работы гг. Бинэ и Анри, показывающій, что мнѣніе г. Введенскаго въ данномъ случаѣ не совпадаетъ съ мнѣніями „искусныхъ изслѣдователей“.

„Voici les resultats donnés par chaque élève, *nous les classons par rang de suggestibilité en commençant par les moins suggestibles:*

1-er	élève	7	flacons	*rien*,	1 flacon vanille.
2-e	„	5	„	„	1 violette, 1 musc, 1 vanille.
3-e	„	5	„	„	1 tabac, 1 eau de Cologne, 1 vanille.
4-e	„	5	„	„	1 violette, 1 muguet, 1 vanille.
5-e	„	5	„	„	1 musc, 1 jasmin, 1 vanille.
6-e	„	4	„	„	1 jasmin, 1 musc, 1 violette, 1 vanille.
7-e	„	3	„	„	1 rose, 1 musc, 1 eau de Cologne, 1 indéterminé, 1 vanille.
8-e	„	3	„	„	1 tabac, 1 muguet, 1 musc, 1 violette, 1 vanille.

Ces expériences ne sont qu'un premier essai, elles *montrent tout de même que les différences individuelles sont sensibles.*“ *(Binet et Henri,* La psychologie individuelle. L'année psychologique, 1895, 454).

3) Г. Введенскій пишетъ: „у всѣхъ психологовъ постоянно вы-

ходитъ, что поддатливость внушеніямъ у старшихъ дѣтей въ среднемъ слабѣе, чѣмъ у младшихъ. Опыты же г. Нечаева для народныхъ школъ обнаруживаютъ, повидимому, обратное правило: если вычислить для этихъ школъ средній возрастъ наиболѣе поддающихся внушенію, то онъ выходитъ у г. Нечаева для мальчиковъ 10,4, для дѣвочекъ 10 лѣтъ; а средній возрастъ наименѣе поддающихся выходитъ у мальчиковъ 9,5, а у дѣвочекъ—9,4". (Стр. 480).

Это возраженіе ясно показываетъ, что г. Введенскій не знаетъ элементарныхъ требованій статистическаго метода, а тѣмъ болѣе—его приложенія въ психологіи.

Прилагая статистическій методъ къ выясненію психическихъ особенностей разныхъ возрастовъ (въ томъ числѣ къ выясненію вопроса о большей или меньшей внушаемости), изслѣдователи всегда стараются найти такое число, которое стояло бы въ возможно меньшей зависимости отъ крайнихъ чиселъ, полученныхъ при отдѣльныхъ наблюденіяхъ. Все вычисленіе вѣроятной ошибки, какъ извѣстно, въ сущности, сводится къ опредѣленію степени вліянія крайнихъ чиселъ на полученный средній результатъ. Что же дѣлаетъ г. Введенскій? Онъ пытается получить число, характеризующее среднюю внушаемость учащихся разнаго возраста, *исходя изъ однихъ только крайнихъ* (и притомъ *односторонне* крайнихъ) *чиселъ*. Конечно, при такой статистикѣ, вѣроятная ошибка равняется невѣроятно большому числу.

Особенно удивительными являются вычисленія г. Введенскаго потому, что, хотя самъ я не дѣлаю изъ своихъ опытовъ никакихъ выводовъ относительно степени внушаемости въ разныхъ возрастахъ (мои опыты преслѣдовали совсѣмъ другую цѣль), тѣмъ не менѣе изъ представленныхъ мною крайнихъ чиселъ легко было до нѣкоторой степени опредѣлить и средніе результаты, полученные при моихъ опытахъ. Я указываю слѣдующія максимальныя и минимальныя числа, характеризующія наибольшую и наименьшую поддатливость внушенію.

	Maximum.	*Minimum.*
Женское народное училище	6—7	1—3
Мужское народное училище. . . .	5—6	1—2
Женская гимназія	4—7	1—2
Лицей	7	1—4

Изъ этого видно, что мѣркой средней внушаемости при моихъ опытахъ являются слѣдующія числа: для женскаго народнаго учи-

лища 4 — 5, для мужскаго народнаго училища 3 — 4, для женско гимназіи 3 и для лицея (преимущественно младшаго возраста) 5—6. Въ этихъ числахъ нѣтъ ничего страннаго и противорѣчащаго даннымъ другихъ психологовъ. Напротивъ, несмотря на небольшое число моихъ испытуемыхъ, мнѣ удалось, подобно другимъ, подмѣтить, что поддатливость внушенію уменьшается съ возрастомъ (женское народное училище и женская гимназія) и что дѣвочки больше поддаются внушенію, чѣмъ мальчики (женское и мужское народное училище).

Но г. Введенскій до того увлекся своеобразными статистическими комбинаціями, что не только не обратилъ вниманія на эти данныя, но даже забылъ, что *maximum* и *minimum* внушаемости — понятія относительныя, находящіяся въ зависимости отъ *средней* внушаемости въ томъ или другомъ возрастѣ. Только этимъ забвеніемъ и можно объяснить то заключеніе, которое онъ дѣлаетъ о моей работѣ: „передъ нами,— говоритъ г. Введенскій,— торопливо составленный черновой набросокъ работы: никакимъ слабымъ знаніемъ предмета нельзя объяснить, что *одно и то же* число (курсивъ г. Введенскаго) *безъ всякихъ поясненій* (курсивъ г. Введенскаго) разсматривается то какъ показатель наибольшей, то какъ показатель наименьшей внушаемости“ (стр. 480). Но какого мнѣнія надо быть объ умственномъ кругозорѣ своихъ читателей, чтобы считать необходимымъ разъяснять имъ, что, напримѣръ, полтора аршина для лицъ разнаго возраста можетъ разсматриваться какъ показатель то минимальнаго, то максимальнаго роста!..

4) Г. Введенскій утверждаетъ: „по существу своему, т.-е. по методу, произведенные г. Печаевымъ опыты надъ памятью *не представляютъ собой ничего новаго*... Къ сожалѣнію, изслѣдованія г. Печаева надъ памятью *не имѣютъ для науки никакой цѣнности*“ (стр. 468—469).

Для того, чтобы понять всю неосторожность подобнаго утвержденія со стороны г. Введенскаго, достаточно сопоставить его со слѣдующимъ мнѣніемъ г. В. Анри, котораго самъ же г. Введенскій признаетъ „искуснымъ изслѣдователемъ, стяжавшимъ себѣ почетную извѣстность“. Г. Анри говоритъ: „изслѣдованія относительно памяти учащихся производились многими психологами, но въ большинствѣ случаевъ ими изучался какой-нибудь отдѣльный видъ памяти. *Этотъ пробѣлъ* до нѣкоторой степени *заполненъ теперь работой г. Нечаева*... Относительно развитія памяти съ возрастомъ существуетъ въ спеціальной литературѣ очень мало свѣдѣній, и опыты г. Печаева дополняютъ

въ извѣстной степени этотъ пробѣлъ". (*В. Анри.* „Новѣйшіе опыты изученія психической дѣятельности учащихся", Вѣстн. Восп. 1901, № 5).

5) Г. Введенскій утверждаетъ, что душевныя явленія, изслѣдуемыя экспериментальной психологіей, иногда бываютъ совсѣмъ другими, чѣмъ тѣ, о которыхъ говоритъ педагогика, хотя и называются такимъ же именемъ. Доказывается это такимъ примѣромъ: „всѣ опыты, которые предъ этимъ цитируются г. Нечаевымъ, равно какъ и его собственные опыты, производились надъ припоминаніемъ, дѣйствующимъ тотчасъ же послѣ воспринятаго впечатлѣнія—не позднѣе минуты или двухъ: а педагоги, говоря о силѣ дѣтской памяти, имѣютъ въ виду способность припоминать черезъ продолжительное время, а не черезъ одну или двѣ минуты" (стр. 459).

Хотя при моихъ опытахъ испытуемые должны были воспроизводить данныя имъ впечатлѣнія сразу послѣ ихъ полученія, тѣмъ не менѣе при этомъ обнаружились такія особенности учащихся, которыя слѣдуетъ признать очень важными для пониманія той „способности припоминать черезъ продолжительное время", о которой говоритъ г. Введенскій. Мои опыты обнаружили 1) сильное вліяніе ассоціацій на запоминаніе словъ и реальныхъ впечатлѣній и 2) опредѣленную разницу въ силѣ этихъ ассоціацій въ разномъ возрастѣ. Эти положенія были подтверждены и опытами г. Лобзина, который, работая по моему методу, пришелъ къ выводу, что „степень возрастанія различныхъ видовъ памяти въ различныхъ періодахъ возраста очень различна" (Zeitschrift für Psychologie, Bd. 27, S. 46).

Въ началѣ этого года (какъ извѣстно г. Введенскому) мнѣ удалось вновь повторить мои опыты надъ памятью при очень благопріятныхъ условіяхъ, съ цѣлымъ рядомъ дополнительныхъ наблюденій, показавшихъ, что обнаруженныя мною разницы въ легкости воспроизведенія словъ дѣйствительно слѣдуетъ объяснять вліяніемъ ассоціацій („Наблюденія надъ развитіемъ интересовъ и памяти въ школьномъ возрастѣ, произведенныя слушателями педагогическихъ курсовъ военно-учебныхъ заведеній подъ руководствомъ А. Нечаева", Спб., 1901 г.). Я позволяю себѣ совершенно смѣло указывать на эти опыты, потому что они подвергались обсужденію Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи, подъ предсѣдательствомъ профессора академика В. М. Бехтерева, который привѣтствовалъ мой докладъ какъ „крайне тщательно проведенное и хорошо задуманное изслѣдованіе" (см. протоколы засѣданій Р. О. Экспер. Псих., май 1901 г.). Но если при по-

мощи опытовъ, моихъ и Лобзина, обнаруживается вліяніе ассоціацій, дѣйствующихъ въ разныхъ возрастахъ, то какъ же можно сказать, будто этими опытами характеризуется только способность учащихся припоминать впечатлѣнія черезъ 2 минуты послѣ ихъ полученія и совсѣмъ не характеризуется способность припоминать черезъ продолжительное время? Развѣ продолжительность запоминанія совсѣмъ не обусловлена развитіемъ тѣхъ или другихъ ассоціацій?

6) Г. Введенскій утверждаетъ, будто мои слова (о томъ, что сдѣланными до сихъ поръ экспериментально-психологическими изслѣдованіями не подтверждается распространенное мнѣніе объ особенной силѣ дѣтской памяти) „противорѣчатъ даже тѣмъ опытамъ, которые, несмотря на всю ихъ затруднительность, все-таки были произведены такими искусными изслѣдователями, какъ Бинэ и Анри“ (стр. 460). „Эти опыты, говоритъ г. Введенскій, описаны въ книжкѣ послѣдняго (т.-е. г. Анри) „Современное состояніе экспериментальной психологіи“, на стр. 91 и 92. Г. Нечаевъ упоминаетъ объ этой книжкѣ, но почему-то считаетъ позволительнымъ для себя *игнорировать* (курсивъ г. Введенскаго) эти опыты“ (стр. 461).

Дѣйствительно, я нигдѣ не ссылаюсь на тѣ страницы книжки г. Анри, которыя приводитъ мнѣ въ примѣръ г. Введенскій. Не ссылаюсь потому, что самъ авторъ не смотритъ на данные факты, какъ на какой-нибудь научный опытъ, при помощи котораго можно было бы дѣлать общія заключенія. Онъ указываетъ только одинъ небольшой примѣръ *возможнаго* изслѣдованія, и даже не описываетъ его настолько подробно, чтобы мы могли воспользоваться его результатами. Ссылка г. Введенскаго на эти опыты является тѣмъ болѣе странной, что самъ онъ на стр. 476 пишетъ: „При описаніи психологическихъ экспериментовъ нужно самымъ точнымъ образомъ указывать всю обстановку, при которой они происходили, чтобы всякій читатель могъ разсудить, не скрываются ли въ этой обстановкѣ такія обстоятельства, которыя могли бы повліять на результаты испытанія, и какія именно“. Доказательствомъ же того, что г. Анри не видитъ противорѣчія между результатами своихъ и моихъ работъ, является печатно высказанное имъ желаніе, чтобы педагоги обратили вниманіе на мои опыты, потому что, по его мнѣнію, въ нихъ „указаны надлежащіе методы изученія памяти“ (Вѣстн. Восп. 1901 г., № 5, стр. 38).

7) На стр. 469 своей рецензіи г. Введенскій указываетъ на то, что, изслѣдуя развитіе памяти учащихся, я бралъ испытуемыхъ изъ разныхъ учебныхъ заведеній. Г. Введенскій называетъ это „крупнымъ

и фундаментальнымъ недостаткомъ“ въ постановкѣ моихъ опытовъ, при чемъ, по обыкновенію, сейчасъ же пользуется случаемъ, чтобы прочесть мнѣ нотацію за небрежное отношеніе къ дѣлу.

Но для того, чтобы съ правомъ назвать указанное обстоятельство фундаментальнымъ недостаткомъ, г. Введенскій долженъ былъ, конечно, доказать, что оно могло существеннымъ образомъ повліять на результаты моего изслѣдованія. Какъ же доказываетъ это г. Введенскій? „Нечаевъ, говоритъ онъ, поступаетъ въ родѣ того, какъ если бы кто, желая узнать зависимость ума отъ возраста, употребилъ для этого такой пріемъ: представителей младшаго возраста взялъ бы изъ училища для идіотовъ, средняго изъ гимназіи, а старшаго изъ университета“ (стр. 469). Ничего подобнаго не было при моихъ опытахъ. Во-первыхъ, громадное большинство моихъ испытуемыхъ (какъ учениковъ, такъ и ученицъ) *принадлежало къ одному и тому же учебному заведенію*. Такъ, изъ 494 учениковъ 335, въ возрастѣ отъ 9 до 18 лѣтъ, было взято изъ *пріюта Принца Ольденбургскаго;* изъ 193 ученицъ 129, въ возрастѣ отъ 11 до 18 лѣтъ, были взяты *изъ одной и той же* женской гимназіи. Во-вторыхъ, присоединяя къ результатамъ испытанія этихъ лицъ результаты, полученные мною при опытахъ надъ учащимися другихъ учебныхъ заведеній, я не только не рисковалъ получить односторонній выводъ, но, напротивъ, *вносилъ возможную поправку* въ мои первоначальные результаты. Дѣйствительно, при моихъ опытахъ надъ учениками Пріюта Принца Ольденбургскаго и ученицами женской гимназіи обнаружилось, что съ возрастомъ постепенно увеличивается легкость воспроизведенія воспринятыхъ впечатлѣній. Что же я дѣлаю? Къ числамъ, характеризующимъ память учениковъ *младшаго* возраста, я присоединяю данныя, полученныя при испытаніи тѣхъ самыхъ учениковъ народныхъ школъ, которые (какъ это замѣтилъ и самъ г. Введенскій) обнаружили сравнительно высокую память. Къ числамъ же, характеризующимъ память испытуемыхъ *старшаго* возраста, я присоединилъ данныя, полученныя при *вечернихъ испытаніяхъ* лицеистовъ. Иначе говоря, къ первоначальнымъ своимъ результатамъ я присоединилъ такой матеріалъ, который не только не могъ способствовать моему первоначальному выводу, но какъ разъ напротивъ—могъ совершенно исказить его. И мои первоначальные выводы все-таки подтвердились.

8) На стр. 464 г. Введенскій пишетъ: „*Періодическія колебанія вниманія*, точнѣе говоря — ясности впечатлѣній, *подмѣчаются при такихъ условіяхъ, которыя не имѣютъ мѣста въ школахъ*. Напри-

мѣръ, они замѣтны, если мы съ *наивысшимъ* (курсивъ г. Введенскаго) напряженіемъ вниманія, удаливъ отъ себя все прочее, что могло бы его привлечь къ себѣ (напримѣръ, въ полутемнотѣ, въ полной тишинѣ), вслушаемся въ тиканье карманныхъ часовъ, помѣщенныхъ на такомъ разстояніи, чтобы ихъ звукъ былъ *едва* (курсивъ г. Введенскаго) замѣтенъ: тогда почему то періодически чрезъ небольшіе періоды времени, *отъ 3 до 5 сек.*, онъ исчезаетъ, а потомъ снова появляется. *Ясно,* что на основаніи этого явленія еще нельзя дѣлать *ровно никакихъ заключеній о вниманіи, дѣйствующемъ безъ крайнихъ степеней напряженія и въ обычной классной обстановкѣ*".

Почему это „ясно" г. Введенскому, — совсѣмъ нельзя понять изъ его словъ. Дѣйствительно, до послѣдняго времени такъ называемыя „колебанія вниманія" изслѣдовались почти исключительно въ лабораторіяхъ. Что же отсюда слѣдуетъ? Почему вообще явленіе, изслѣдуемое въ психологической лабораторіи, не можетъ имѣть мѣста въ школѣ? Что касается, въ частности, колебаній вниманія, то о нихъ слѣдуетъ сказать какъ разъ обратное тому, что говоритъ г. Введенскій: колебанія вниманія могутъ быть подмѣчены *даже* въ лабораторной обстановкѣ, когда устранены, по возможности, всѣ разсѣивающія обстоятельства; при школьныхъ же занятіяхъ, когда на сцену является утомленіе и множество случайныхъ разсѣивающихъ обстоятельствъ, колебанія вниманія должны принимать еще болѣе рѣзкую форму. И эти колебанія вниманія учащихся не только дѣйствительно существуютъ, но даже могутъ быть зарегистрованы. Можно зарегистровать даже измѣненіе въ характерѣ колебаній вниманія подъ вліяніемъ утомленія учащихся. Нѣкоторые примѣры регистраціи колебаній вниманія учащихся мною были даны въ моей книгѣ (стр. 123—124). Другія наблюденія, направленныя къ выясненію вопроса объ измѣненіи колебаній вниманія учащихся подъ вліяніемъ возрастающаго утомленія (въ теченіе дня), уже закончены и въ скоромъ времени будутъ опубликованы.

Напрасно, говоря о колебаніяхъ вниманія, г. Введенскій старается представить дѣло такимъ образомъ, будто подъ этими явленіями въ экспериментальной психологіи разумѣются только измѣненія въ ясности впечатлѣній *отъ 3 до 5 секундъ*. Въ опроверженіе этого, стоитъ только обратиться хотя бы къ работѣ Урбанчича, который, какъ извѣстно, впервые подвергнулъ этотъ вопросъ экспериментальному изслѣдованію и обнаружилъ колебанія отъ *5 секундъ до нѣсколькихъ минутъ*. (*Urbantschitsch,* Ueber subjektive Schwankungen der Intensität acustischer

Empfindungen, Archiv für die gesammte Physiologie, herausg. von Pflüger, B. XXVII, стр. 442—446).

9) На стр. 454 г. Введенскій пишетъ: „доказывая важность экспериментальной психологіи для дидактики, г. Нечаевъ долженъ былъ бы въ числѣ услугъ или открытій экспериментальной психологіи указывать только то, чего нельзя узнать или, по крайней мѣрѣ, трудно узнать безъ ея помощи“.

Такъ какъ все это возраженіе, со всѣми подтверждающими его примѣрами и даже остротами, взято г. Введенскимъ изъ рецензіи г. Айхенвальда на мою книгу („Вопросы Философіи и Психологіи“, № 59), то я, со своей стороны, считаю въ данномъ случаѣ совершенно достаточнымъ только указать на свой отвѣтъ г. Айхенвальду въ № 60 „Вопросовъ Философіи и Психологіи“. Я это могу сдѣлать тѣмъ спокойнѣе, что г. Введенскій, не дождавшись моего отвѣта г. Айхенвальду, поспѣшилъ, въ началѣ своей рецензіи, засвидѣтельствовать свою солидарность съ нимъ.

10) Возражая противъ общаго плана и метода моей книги, г. Введенскій высказываетъ слѣдующее оригинальное методологическое положеніе: „Кто, подобно г. Нечаеву, *доказываетъ какую-нибудь мысль*, идущую въ разрѣзъ съ общепризнаннымъ взглядомъ, и *такимъ путемъ объявляетъ его ошибочнымъ*, тотъ долженъ убѣдительнымъ образомъ объяснить, почему же сложился такой ошибочный и все-таки общепризнанный взглядъ на дѣло. Иначе мы въ правѣ считать и его истиннымъ: а такъ какъ двѣ истины не могутъ противорѣчить другъ другу (одна другой?), то доказываемую авторомъ мысль должны будемъ разсматривать какъ нуждающуюся въ разныхъ поправкахъ, т.-е. не въ правѣ будемъ вполнѣ довѣряться ей“ (стр. 456).

Это ученіе г. Введенскаго о двухъ истинахъ, быть можетъ, и соотвѣтствуетъ какимъ-нибудь вульгарнымъ „общепризнаннымъ взглядамъ“, но не согласно съ ученіемъ логики, по которому, *доказавъ справедливость какого-нибудь положенія*, мы *уже этимъ самымъ доказываемъ несправедливость положенія, ему противорѣчащаго.*

11) На стр. 446 г. Введенскій утверждаетъ: „чтобы научиться правильно понимать и оцѣнивать *всякія* (курсивъ г. Введенскаго) чужія экспериментальныя изслѣдованія, хотя бы они опирались на самые трудные опыты, надо *только* вдумчиво и критически изучать литературу предмета“.

Въ томъ-то и дѣло, что безъ предварительныхъ систематическихъ

занятій въ лабораторіяхъ невозможно вдумчиво и критически изучить экспериментально-психологическую литературу [1]).

Въ заключеніе считаю нужнымъ разъяснить одно недоразумѣніе второстепеннаго характера.

На стр. 447 г. Введенскій пишетъ: „Г. Нечаевъ своей книгой нѣсколько скомпрометировалъ свою подготовку къ научнымъ работамъ по психологіи. А это *до нѣкоторой степени затрогиваетъ и меня*, какъ его прежняго руководителя въ занятіяхъ этимъ предметомъ, *о чемъ онъ въ добавокъ упомянулъ въ своемъ предисловіи*. И мнѣ, въ видахъ вполнѣ простительнаго *самолюбія*," и т. д.

Я не буду разбирать вопроса о томъ, кто кого и чѣмъ теперь скомпрометировалъ. Но я долженъ замѣтить, что г. Введенскій, очевидно, неправильно понялъ предисловіе моей книги. Тамъ сказано: „Въ заключеніе считаю долгомъ выразить свою благодарность историко-филологическому факультету Императорскаго С.-Петербургскаго университета, исходатайствовавшему мнѣ двухгодичную командировку заграницу и давшему средства на изданіе этой книги, и, въ частности, профессору А. И. Введенскому, подъ руководствомъ котораго *я началъ свои университетскія* (т.-е. конечно, студенческія!) занятія психологіей. Съ благодарнымъ чувствомъ вспоминаю отзывчивое отношеніе къ *моей настоящей работѣ* со стороны моихъ учителей—профессора Г. Э. Мюллера (въ Геттингенѣ) и доктора Штерринга (въ Лейпцигѣ)".

Мнѣ казалось, что такой формой благодарности я, соблюдая обычныя формы университетской вѣжливости при изданіи диссертацій, въ то же время совершенно снимаю съ г. Введенскаго хотя бы самую

---

[1]) Я не буду останавливаться на другихъ научныхъ недочетахъ г. Введенскаго, такъ какъ они находятся въ тѣсной связи съ только-что указанными промахами. Я не буду отвѣчать также на *совершенно голословныя* утвержденія г. Введенскаго, что я, вѣроятно, не прочелъ и даже не пересмотрѣлъ всѣхъ сочиненій, помѣщенныхъ въ перечнѣ моихъ литературныхъ пособій („Хронологическій перечень указанныхъ въ книгѣ сочиненій"), и что моя статья „Ueber die Gedächtnissentwickelung bei Schulkindern" (послужившая предметомъ моего доклада въ экспериментальной секціи парижскаго международнаго психологическаго конгресса) была напечатана профессоромъ Эббингаузомъ только изъ вѣжливости къ Петербургскому университету (см. стр. 451 и 474 рецензіи г. Введенскаго). Ни одинъ серьезный рецензентъ не позволитъ себѣ высказывать подобныхъ предположеній безъ какихъ-нибудь убѣдительныхъ доказательствъ.

слабую отвѣтственность за достоинство моей книги. Но такъ какъ г. Введенскій все-таки находитъ, что я какъ будто стараюсь опираться на его авторитетъ (и даже задѣваю этимъ его самолюбіе), то мнѣ приходится теперь печатно заявить, что за мою книгу ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ упрекать г. Введенскаго, потому что вся эта работа была задумана и написана мною не только совершенно независимо отъ г. Введенскаго, но даже вопреки его желанію.